

A detailed fantasy landscape painting. In the foreground, a figure in a dark, hooded robe stands with their back to the viewer, looking out over a vast, surreal landscape. The landscape features steep, rocky cliffs on either side, some with vibrant orange and yellow autumn foliage. In the distance, a series of jagged, dark rock formations rise from a sea of white, billowing clouds. Above this, several large, flat, island-like structures float in the sky. At the very top, a massive, pale, cratered celestial body, resembling a moon or planet, hangs in a deep blue sky filled with wispy white clouds and small stars. The overall mood is mysterious and epic.

Александр Дьяков
Седрак Симонян

Игры с дьяволом

Седрак Симонян

Игры с дьяволом

<https://litres.ru/74088391>

SelfPub; 2026

Аннотация

Превратности судеб героев книги , их чувства в контексте времени. а Время ущербно, время однолинейно, в отличие от иных проявлений космоса. Время убийственно демонизирует над смыслом бытия. Разум, приспособливающийся к уловкам времени, скрывается и само выражается в телесной сути. Время — убивающее, уносящее облики души. Орудие разума и спасение — лишь память безмолвная.

Седрак Симонян

Игры с дьяволом

Игры с дьяволом

Н.Р.Р.

Время ущербно, время однолинейно, в отличие от иных проявлений космоса. Время убийственно демонизирует над смыслом бытия. Разум, приспособливающийся к уловкам времени, скрывается и само выражается в телесной сути. Время — убивающее, уносящее облики души. Орудие разума и спасение — лишь память безмолвная.

Рабство во времени, и Царство Божие... Путь, намеченный не разумом, а бытием. Время лишь инструмент в Божественном промысле.

Любовь — Божественна. Любовь — сущность бытия, рождается во времени и теряется в лабиринтах его.

Неприметно, подобно весеннему дыханию, она вошла в лавку антиквара, поздоровалась изящным кивком головы, недолго выбирая, нашла нужную вещицу и, расплатившись, собиралась уходить.

Антиквар, лишь теперь мельком глянув на неё, успел поблагодарить за покупку:

— Знаете, скоро поступят предметы, подобные той вещице, что Вы приобрели. Можете заглядывать.

Девушка улыбнулась, отодвинула с глаз золотистые волосы, и призналась, что уезжает далеко, но может стать, когда-нибудь вернется и, тогда непременно посетит эту уютную антикварную лавку.

Она ушла. Антиквар переключился на других посетителей, и до поры до времени позабыл о ней. Но тревога, беспокойство не отступали. Он осознал, что девушка была избранной, необыкновенной и неповторимой. Как он мог отпустить ее просто так, долгие и долгие годы ожидая именно ее появления. Хотя и не представлял, как, как сумел бы задержать ее, объяснить... Если б она была суеверной, выслушала бы его бред о прошлой, неповторимой, когда-то трагичной, но вечной безумной жизни...

Может, она не поверила бы, но была бы благодарна за чудесную сказку и ушла бы улыбаясь. Так могло и должно было случиться. Но он упустил мгновение во вселенской круговерти и не опознал ее: хотя образ ее носил с юношеских

времен... От досады не знал, куда деться. И так жизнь без особых приключений катится к вечности. И предназначенные Господом несколько тысяч земных дней и ночей, неужто проживет, не приобретя покоя, ненасытно тоскуя о ней.

Прошли, прокатились дни, недели. Жизненная суета реже давала передышки от нескончаемой круговерти. Но стоило ему уединиться, и всплывал в памяти образ ее: точнее не сам образ, а всплеск того очарования, что она оставила. Время неумолимо стерло бы из памяти черты ее лица, если бы не те неисчислимые рисунки...

Он знал, что на свет рождена та единственная во вселенной, угодная его душе. В выходной, в церкви, перед образом Сына Божьего, зажгёт свечу, поблагодарил Всевышнего, что возродил ее в земной жизни, хотя и с опозданием. И, постепенно смиряясь с действительностью, с годами, пришел к грустному и неизбежному выводу, что даже при встрече не станет возмущать ее слух небылицами, не будет волновать девичью душу. Мечтал, да, мечтал бы о ее постоянном присутствии в своей жизни. А ее отсутствие — он был уверен, — навсегда привело бы к духовному опустошению. Да, он не только осознал, но и был убежден, что ее рождение — это возрождение духовного ее образа. Но она — дитя своего времени, как и он, и это усугубляло страдания. Как восприняла бы эта юная особа поколения нового тысячелетия и

наступившей эры Водолея реалии прошедших мрачных времен...

Опрометчивый поступок с его Стороны отпугнул бы ее, и если бы в ее подсознании возникли события прошлого, она волей своей, или с чьей-то помощью постаралась бы стереть из памяти этот кошмар, и жила бы счастливой, хоть и чуждой жизнью. А он сам-то что? Молодость давно миновала. Но не в душе. Как сбросить груз времени?

Видавшие смерть блаженны. Смысл в самой жизни и осмыслении страдания души. С годами любовь хлынула ко всем созданиям Божьим. Он обожал младенцев. Тяжко было, если за день не встречал хоть одного, прогуливающегося с мамой ли, с бабушкой, с папой... И они, эти земные ангелы, улыбались ему своими святыми, невинными устами. Он молился за них, благословлял тайком, чтобы не смущать родителей, осенял крестом. Свободное время уделял внучатам старшей сестры, и сестры-близняшки заманили его в свой детский мирок, и он, взрослый человек, играл с ними в детские игры, забавлял, прогуливал по зоопарку, каруселям, и конечно, по дебрям дендропарка.

В одиночестве любил созерцать природу. В уединении, в глубине парка. И деревья, как оркестр, звучали, исполняя нечто неизведанное. И птичий гам, попеременно с шелестом

листьев. Пернатые воспевали любовь, заманивая суженых. Трели, чирикание, воркование... И половодье чувств, запахов, красок давали разуму возвыситься над телесным в неизведанные духовные просторы, где блаженствовал, ощущая, чувствуя, но... не зрея. Земному существу невозможно переместиться в эфемерные пространства.

Остепененный жизненными коллизиями, обитая среди вещей прошедших времен, умиряя взбунтовавшийся дух от бесконечных условностей и стереотипов окружающей действительности, преданный любви возвышенной, готовностью самопожертвования ради её присутствия, сейчас, когда надежды, кажется, иссякли, и увядающая тоска напоминала вскользь, словно аккорд мелодии, блаженные чувства проникали, растворяясь и умиряясь иными эмоциями, и затерялись бы в извилинах памяти, как в вечеряющей прохладе, несущей на своих волнах отблеск тоски иных времён, — вдруг необъяснимо дрогнуло сердце. Выскочил из лавки. Журавли пролетали над городом. Небо, озарённое закатными лучами, просияло страстью бесконечного. Он был уверен, она появится, несомненно. Ожидание стало зовом в пространстве, зовом ее облика, зовом к спасению его души ею...

Вошёл обратно в лавку, присел, углубляясь в раздумья. И... будто солнышко засияло в лавке. Дыхание антиквара пе-

рехватило. Не только дышать, боялся пошевелинуться, чтобы видение в образе девушки не исчезло. Вся она сияла приветливостью очей, улыбки, изящных ручек... Очки придавали особенный шарм, приближая к душе, подобно близкому человеку...

— Здравствуйте! — Как будто мелодия вырвалась из её уст.

— Добро пожаловать, барышня. Значит, приехали изда-лека?

— Вернулась на днях. Знаете, почему-то часто вспоминала Вашу лавку, и мне непременно захотелось побывать здесь. И ещё... Простите за дерзость, но спрошу из чистого любопытства. Не знаю почему, кажется, и до прошлой встречи где-то я Вас видела.

Может, мы родственники? Или Вы знаете моих родителей? Или... предков?

— Ваших предков? — разволновался антиквар, чуть не проговорившись, что в ней заговорила генетическая память. Не было сомнения. Это она, сияющая, стройная, милая, с умными, всепрощающими глазами, со светлыми, гладкими волосами, постриженная под Мэрилин Монро. И улыбка у

ней невинная, с ямочками на щечках, голос мягкий, не ранящий, с сострадательной интонацией. Каждое слово задевало глубинные струны человеческой души.

— А разве это невозможно? Дома, листая фотоальбом давних времен, увидела фотографию, так похожую на Вас. Простите, если говорю странное, но это так. Я даже принесла фотографию. Вот, поглядите. — Она достала из сумочки снимок столетней давности и протянула антиквару. Он взял фотографию, внимательно посмотрел, и сказал задумчиво:

— Здесь нет лиц у людей. Но это объяснимо. Вам просто казалось, что я на фотографии. Это Ваше воображение.

— Но я правду говорю, — смущённо произнесла девушка, взяв обратно фотографию, побледнела, взглянув на нее, окончательно растерявшись.

— Пожалуйста, не смущайтесь. Это объяснимо.

— Но, я много раз смотрела на это фото. Уверяю...

— Я верю, барышня. Если позволите, можно узнать Ваше имя? Так было бы лучше. Сначала представлюсь. Меня зовут Леонидом, или Лео.

— Спасибо, Лео за понимание. С Вами приятно беседовать. Будем знакомы. И... лучше бы мы и правда были бы родственниками. А зовут меня Анабеллой.

— Я всегда знал, что тебя так должны звать. Я знал.

— Знали?..

— Всё объяснимо, Анабелла, всё объяснимо. Но со временем, хорошо?

— Прости, Лео. Почему не сейчас? Вы, как мой дед, выражаете мысль такими словами, что невозможно понять.

— Очень любопытно: сравнить меня с дедом. Мы с твоим дедом не привыкли объясняться современным сленгом.

— Нет, что Вы, я не имела ввиду Ваши годы. Для родственных душ не возраст барьер, а воспоминания, притаившиеся в извилинах мозга. Простите, я утомляю, наверно. Мой дед намного старше, но говорил, что изнашивается материальная оболочка, а духом он чувствует себя моложе меня.

— Да, чудной Ваш дед, если сохранил юношеский задор. Ты и его спрашивала о фотографии?

— Спрашивала. Но он странно себя повёл. Отмахнулся от неё, как от огня. Я никогда не видела его таким испуганным. На следующий день он зашёл в мою комнату. Я работала на компьютере. Присел у стола, и говорил тихим ласковым голосом, к которому я привыкла с детства, слушая его рассказы о девочке, путешествующей во времени. Он сказал, что эти рассказы — обо мне. И что он вернётся охранять меня в прошлом... Я знала, что дед меня безумно любит, и поняла эти слова, как выражение чувств. Мы побеседовали и он, видя мою занятость, уходя произнес, что, слава Богу, мне неведомо прошлое. Потом осенил крестом и ушел.

— А после не говорила с ним?

— Дед ночью умер. Два месяца назад похоронили.

— Извини, извини, Анабелла. Я не подумал...

— А кто мог подумать? Я в растерянности. Его слова, его уход, и вот, история с фотографией... Простите, скоро покупатели придут. Мне лучше уйти.

— Ты всегда так любезна со своими собеседниками?

— А что?...

— А то, что всего пару минут назад ты чуть не называешь меня родственником, а сейчас уже собираешься прощаться. Ты не подумала, что это может стать таким же прощанием, как с дедом?

— Боже упаси, что Вы говорите! Я не думала, что Вы воспримете всё всерьёз. Посмеётесь, и всё.

В природе не бывает ничего случайного. Над чем смеяться? Над собственным прошлым? Там, на фотографии, была ведь рядом с мужчиной девушка, не правда ли?

— Да, действительно. Значит Вам эта история известна? Значит, и деда Вы знали?

— Нет, и деда я не знал. Но догадывался, что на свете должна была родиться ты, появиться в моей жизни.

— В Вашей жизни?.. Мы... мы родственники, да?..

— На земле все души родственны.

— Я так и думала, что Вы не посмеётесь над моими догадками. Спасибо, Лео, спасибо тебе, — вся сияя, радостно проговорила она.

— Да, судьба являет людей на свет по своему замыслу, так что ты опоздала с рождением. Но всё равно спасибо providению, что ты есть, и дед правильно благословлял, наставлял. Лучше бы тебе не ворошить прошлое. Действительно, время попрощаться.

Анабелла удивленно смотрела на антиквара, ожидая разъяснений. Но он уже сожалел, что сболтнул лишнего.

— Теперь я точно никуда не уйду. Не надо меня прогонять, — сказала Анабелла.

— Извини, показалось, ты спешишь. — Лео растерялся. Он думал, что ее ошеломит услышанное. Он, конечно, хотел, чтобы она осталась, и они побеседовали бы непринужденно. А душа была пьяна её присутствием, торжествуя над жестоким временем, душа встретила свою избранницу.

Но теперь, когда его земная жизнь приближается к пятому десятилетию, а она такая яркая, с умопомрачительным обаянием... В свои преклонные года негоже мечтать о большем, чем Бог дал. И не нужно было говорить лишнего. Для слов не существует времени... Теперь, когда она стояла рядом, у него не возникало юношеского влечения, влечение к ней. Одно то, что он наяву зрит её, слышит ее мелодичный

голос, думы, обуревающие девичье чело, значили более, чем благодать, так как в иные времена, насмехаясь над ним, посланник зла изрек ему: «Когда отстану от тебя, в немощи познаешь свою любовь и ни отчаянный крик души, ни зов к Богу не изменят твою участь».

— Я не прошу извинения, я лишь молю о понимании. Простите, у Вас слеза. Почему, почему?..

— Слеза отчаяния, Анабелла. Не обращай внимания. Тебе трудно будет понять.

— Может и трудно, но я чувствую твою боль. Пожалуйста, объясни мне, расскажи всю историю, связанную с нами.

— С нами, говоришь? — У антиквара сердце дрогнуло. Ему показалось, он ослышался, или Анабелла не так выразила мысль.

— Да, с нами. Потому что... Потому что, когда была здесь в первый раз, поняла, почувствовала, что наши судьбы как-то соприкасались, и то недостижимое для моей памяти или сознания прошлое, постоянно тревожило меня, не давало покоя, преследовало. Сейчас, рядом с Вами, я спокойна и в душе покой. Правда, странно, наверно, это слышать, и Вы, наверняка, думаете, пришла чокнутая и разглагольствует о

своих фантазиях. Простите, но я... но Вы... Нет, говорю лишнее, совсем растерялась.

— Не волнуйся. То, что ты говоришь, мне понятно. Не надо уничтожать свои мысли. Они не сущность твоя. Образ твой в иных измерениях. — Лео привстал, дрожащей рукой прикоснулся к рукаву ее изящной блузки с вышитым орнаментом, и продолжил говорить тихим, ровным голосом:

— Я благодарен, что ты считаешь меня близким тебе человеком. Ты барышня из далеких сибирских краев.

— Почему далеких? Расстояние для души разве что значит? — Видно, замешательство Анабеллы прошло, и она, улыбаясь, доверительно смотрела на антиквара, но, уловив в его взгляде грусть, одиночество, сама погрузилась.

— Это у Вас обручальное кольцо?

— Да, мы любим друг друга. Через год закончим учебу и сыграем свадьбу. Правда, он в журналистике, а я на юридическом.

— Ну, незнакомка из прошедших времен, значит, решила стать судьёй и вершить людские судьбы?

— Ой, до этого ещё далеко. Я благодарна очень, очень... Если бы Вы знали, если...

— Всё понятно, не волнуйся, ради Бога, Анабелла. Я давно ничему не удивляюсь. Божье благо, что ты есть. Я буду молиться за тебя. Всегда, всегда...

— Будете в наших краях, приходите. Я буду рада, и сестра, и мама. Можно, я оставлю адрес, телефон?

— А ты... уезжаешь?

— Да, но скоро вернусь. И тогда, обещайте, что расскажите все о прошлом, касающимся нас. Да, забыла сказать, по паспорту меня Еленой зовут. Это дед наперекор всем назвал меня Анабеллой, и все привыкли к этому, и, конечно, я сама.

— Мудрым был дед. Мог бы о многом рассказать.

— Да, так случилось, — хворал, не жаловался ни на что. Для меня, для мамы, для сестренки была катастрофой его внезапная смерть.

— Я сочувствую тебе, Анабелла. Скажи, дед вел дневники или что-то подобное?

— Да, я заметила, он иногда, в полночь, сидел за столом. Я подходила к нему, но он всегда умудрялся скрывать от меня написанное, уводить мысли и внимание в другое направление. Мама все сохраняет в его комнате.

— Вот, видишь, в записях деда ты больше узнаешь, чем в моих прозрениях и видениях.

— А они тебе часто являются?

— Я ими живу. Пойми меня правильно. Жил и живу, конечно, в нынешнем бренном мире. Но это же до поры, до времени. Я не сумасшедший, чтобы афишировать мои переживания, мысли.

— А есть у тебя семья, дети? Ты был влюблён?

— Это вопросы, на которые надо постараться затянуть с ответом, тем более такому очаровательному существу, как ты. Более того, даже в моем возрасте. Но, я скажу. Нет у меня семьи. Я был моряком, и это о многом говорит.

— О чем же?

— Скажем, был влюбчивым. Нет такого порта, который посещал, и не завел бы любовницу.

— Это как? Это же, это же...

— Это грех, и большой. Знаю, Анабелла.

— А дети?

— Может и есть, то мне неизвестно.

Анабелла смотрела на него удивленно, с сомнением, и говорила, как и он, тихим голосом:

— Напрасно Вы на себя клеветеете. Хотите оградить мои чувства от испытаний? Они же были, возникли, остаются до того, что я узнала Вас. Или, наверно, хотели поколебать мои чувства к моему жениху? Ну, неважно. Прошу лишь, больше не клеветеете на Лео, хорошо? Вы, милый человек. Я всегда таким и представляла Вас. Ну, до свидания, Лео, я обязательно вернусь, сдам сессию и приду. На днях.

Улыбаясь, Анабелла ушла. После ее ухода вернулось опустошение, невероятное, убийственное. Не находил сил подняться, закрыть лавку, и впасть в духовное безмолвие, в духовную медитацию, в бездонные пространства памяти. Но, его вернул к невыносимой действительности и ходу времен вопрос покупателя.

Перед закрытием лавки Лео аккуратно переписал в блокнот адрес Анабеллы.

...День-другой прожил в замешательстве. Время будто повернулось вспять, и легкое дыхание чувства любви, беспечность окружающей действительности порой втягивали его в свои жернова, и он, с утерянной юношеской задорностью, впадал, со щемящим сердцем, в ожидание, чего-то необыкновенного, изумительного. Мир вокруг заполнялся, постижимой не слуху, а лишь сердцу, мелодией. В душе — свет сияющий. Зов крови, зов прошедшей молодости, даже юности, мелькнувший в сознании, заставляли замирать его, давая наслаждаться теми иллюзорными, ассоциативными ощущениями.

Дни пролетели как сон. Крайне изменился внутренний мир Лео, изменился он и внешне. Стал аккуратным, ухоженным.

Ждал её. И она пришла. В будничный день. Сказала, после удачной сдачи сессии. Принесла пирожные в коробке. Когда читала вопрос во взгляде Лео, промол-ила с оправданием, что всегда посещает родных со сладостями. Лео растерялся, не знал, что и говорить, конечно, поблагодарил, спросил, есть ли у нее время для беседы в более уютной обстановке,

например, в ближайшей кофейне. Она сказала, что тетя ждет ее, и что более часа не сможет остаться. Лео закрыл лавку, и они пошли с Анабеллой в кофейню.

Присели в отдаленном уголке, и пока улыбочивая официантка приносила кофе, они, в раздумье, молча глядели друг на друга. Анабелла вся сияла. Она сняла очки, и теперь, Лео воочию увидел ее синие глаза, и опять проскользнула мысль, что это лишь глубокий сон, и как только проснешься, видение закончится. От неуверенности, от страха, в мыслях повторил он молитву, приученный еще с юности. Он был уверен, он осознавал и понимал, что этой встречи не должно было случиться. Но что-то непредвиденное свершилось в Божественном промысле. И, наверняка, она интуитивно ли, или по зову сердца, искала его. И ныне, как и он, уповаая на провидение, неведомая даже собственным чувствам, не понимала, чем обернется вся эта история. Ее единственным оправданием для души являлась фотография, похожая на Лео, старинная, семейная и, почему-то, неузнаваемо стершаяся теперь. Далее, она закрыла глаза на все иное толкование собственных чувств. Даже давя в себе мысль о том, от чего же возникают безумные мысли и чувства к незнакомому, уже в годах человеку. Но, глядя на Лео, она никак не думала о его годах. Притягивала его к Лео, скрытая в его глазах невероятная тоска, благородство и... понимание, преданность к чувствам собеседника.

С утра единственной мечтой было сдать последний зачет, пойти поговорить с Лео, утолить свое невероятное желание находиться рядом с ним, слышать его слова, насыщенные завораживающей энергетикой, и... не раскрывая ни для себя, ни для него причины и предпосылки этого желания, попрощаться и уйти, навсегда. Но предложение Лео нарушило задуманную ею череду собственного поведения, и теперь, сидя напротив Лео, растерявшаяся от противоречивых чувств, не ведала, о чем с ним говорить. Единственное, от чего не впала она в замешательство, это вера в Лео, в то, что он, неведомо каким образом, но близкий ей человек.

Официантка подала кофе, предложила еще что-то, и отошла к другому столику. Лео прервал паузу:

— Ты сказала, что у тебя младшая сестренка, да?

— Да, Юля, она моложе. Учится в десятом классе, — подтвердила Анабелла.

— Скоро уезжаешь?

— Скоро... На днях.

— И... Когда еще будешь здесь?

— После практики. Вероятно, в конце осени.

— Так долго ?..

— Может пройдемся по парку. Здесь так тоскливо.

Вышли из кофейни, и по дорожке, меж сиреневых кустарников пошли к парку. Воздух был насыщен пьянящим запахом сирени и меланхолией. Присели на скамье под зелеными кудрями березы.

— Я понимаю, что своим появлением внесла лишнюю суету в твой жизненный уклад. Поверь, я бы не смогла, не смогла бы не вернуться. Не обессудь, пожалуйста...

— Если бы ты не появилась, то я так бы никчемно, опустошенно и провел бы, оставшуюся свою жизнь.

Ты — свет, ты — спасение, ты... Жаль, что уезжаешь.

Но, что бы ни было, воочию убедился, что ты есть на свете. И, если возможно, осени меня крестом, пожалуйста.

— А это нужно?..

— Нужно для меня. Когда-то ты так поступала, в иные времена, когда провожала меня в поход.

— Да?.. Я благодарна, что придаете значение моим словам, поступкам. Спасибо, спасибо тебе...

Анабелла привстала, поцеловала в щеку Лео, и присела обратно. Теплота ее мимолетного поцелуя, как солнечный луч пронзила затаенные пространства души Лео, и он, в одно мгновение, пережил всю чувственную гамму, собранную духом на долгом пути временного пространства, и, как аккорд, растянувшийся на века и века. Потом, последовало безумное отчаяние, крик бунтующей души, что эта маска — телесная, стареющая — не суть его, и ничем не ободрать, не освободиться от нее. И он взмолился с юношеским задором:

— Прости, Анабелла, прости... За мои годы, за немощь человеческого интеллекта, за желание прорвать временные барьеры. Опоздал, опоздал я, Анабелла.

— Разве я, разве я намекала на возраст? Разве тяга моя не к твоей душе? Разве...

— Подожди, не говори, Анабелла. Пойми, есть образ души, материальная, телесная его оболочка. Иначе и быть не может. И она, изнашивающаяся, изменчивая, гибнущая во

времени.

— Лео... Пожалуйста, ты лучше расскажи о всех тайнах, ведомых тебе...

— Но ты же уезжаешь?

— Да, уезжаю...

— Конечно, жених ждет.

— Я должна идти, к маме, к сестренке. Я в замешательстве. Образ на фотографии не давал покоя с тех пор, как я обнаружила ее в хранимых вещах прабабушки. Это было в десятом классе. Я и позабыла о ней, пока не встретила тебя. Да, еще тогда я объявила всей семье, что человек с фотографии, это мой жених. Помню, мама первый раз в жизни дала мне пощечину, говоря, что я не в том возрасте, чтобы об этом болтать, и лучше бы я уроки выучила, а фотографию друзей прадеда поставила бы на место.

— Бедная Анабелла, значит, ты уже с детства пострадала из-за меня, — посмеиваясь, и с сочувствием выговорил Лео.

— Первый раз, когда была у тебя, я сразу не сообразила и не подозревала ни о чем. Потом, дома, когда посмотре-

ла старые фотографии, внезапно, как просветление, явился твой образ. Было странное ощущение, что я нашла, утерянное мною, что-то бесценное, и вот, я здесь.

— Милая Анабелла, это не меня ты нашла, а тень моих прошедших времен. Нынче, я сам шарахаюсь от собственного облика перед зеркалом. Поверь, это тяжелое ощущение, постоянно преследует меня, убивая порывы души. Я уже говорил, что был моряком. Жизнерадостным, влюбчивым, нахальным.

— Не надо, пожалуйста, не надо разуверять меня в твоей духовности ли, внешности ли. Раз я пришла к тебе, значит, я явилась образу твоей души. А как же иначе? Я понимаю, и определила для себя, что у тебя может быть семья, дети и счастливая жизнь. Разве я сумею разрушить это? Боже упаси от этого. Я пришла сказать тебе, что есть и я, и образ твой, и душа, дороги и для меня.

— Анабелла, Анабелла... Констатировать факт о моих годах, не значит уничивать себя. Я счастлив, слушая тебя. И, наверно, безгранично счастлив, если сказанное обо мне, было бы действительностью.

— Ты... Ты сомневаешься в моих словах?

— Я не о чувствах, я про себя. Пойми, ты юная, умная, ошеломляюще счастливая. Божья благодать, что ты есть. Первой мыслью всякого нормального мужчины от услышанного голова бы закружилась, и постарался бы не упускать, далее завоевывать твоё расположение. Но это, в нашем случае, и преступно, и выглядело бы анахронизмом. Ты же моя, но в вечности. Ты действуешь с порывом сердца, зовом души. И твоё представление обо мне иллюзорное, угодное твоей душе. Да, мне хотелось бы, чтобы ты узнала суть мою. Тем паче понять тебя, твою девичью душу, яснее ясного, как твоя улыбка, синие глаза, жесты. Но я, поверь, абсолютно противоположное твоему представлению. Стареющий я холостяк, извини, но, действительно, любивший, когда-то многих женщин, бросивший их, и для многих, наверняка, последний мерзавец. Это действительно так. Не сумел я создать семью.

— Пожалуйста, перестань, зачем все это мне? Почему стараешься разрушить свой образ в моей душе? Почему? Мне же больно от этого. Я тебя чту не как икону, а как человека, безумно близкого. Да... Уже близкого. Ты такой, ты сякой, тебя нельзя обожать. Разве это твоё право? Очарования много в твоих грустных глазах, а словами говоришь обратное. Может, все это игра, обман?

— Прости, Анабелла, что я выгляжу циником. Мосты от моей молодости давно сожжены. Пойми, я просто боюсь, я в

замешательстве. В жерновах вечных времен всегда находил тебя и... потерял. Но, мы всегда были ровесниками. Но, кажется, истекает срок, и вот, это последняя встреча. Осознанная встреча в безднах времен, в том вечном колесе превращений. Да, я нынче...

— Не надо продолжать, прошу. У тебя будто родительские чувства ко мне. Но, я искала тебя, говорю тобой как женщина, а не как дочь. Пожалуйста, Неужели это трудно понять. Не обманывай меня, и не унижай себя. Истинно же, что душа вечна и не стареет. Слышно же щебетанье птиц, шорох дождя, шепот вон тех влюбленных. Душа не глуха, остальное притворство. Говоришь, у тебя неисчислимый опыт любви, но несешь в душе память и образ о моей любви. Прихоть твоего тела, вложенная природой, называется, по-моему, половым влечением. Это присуще братьям нашим меньшим, приматам.

— Вот до чего договорилась, моя дорогая Анабелла. Сравниваешь меня с приматами? Чего ты от меня ждешь? Поступка рыцаря? Но, смотри намой седины. Куда это годится? Была бы ты по моложе, можно было бы и отшлепать за твои нравоучения. А ты хнычешь, еще и слезы. На, возьми платок, еще меня и осудят, что девушку обижаю.

— Спасибо. И... удивительно. Как только сердишься, то

находишь себя, и отголоски самолюбия отзываются.

— Ну, Анабелла, мне находиться рядом с тобой в постоянном напряжении, что ли?

— Ни напряжении, а в состоянии постоянной... Ну, неважно.

— Останемся друзьями, Анабелла. У тебя жених, ты выйдешь за него, будете счастливыми.

— Миг счастья дороже годов размеренной жизни. Милый мой, Лео. Говоришь, у тебя была куча любовниц, не так ли ?

— Но, это в прошлом, Анабелла.

— Неважно, они были. Я всего лишь согласилась подумать выйти замуж за него. Может, это и грешно, не сдержать слово, но есть более высокие чувства которыми, наверняка, нельзя пожертвовать. И... мы действительно, будем друзьями навечно. Я бы тебе родила дочь и сына, а ты бы за ними стал ухаживать, не правда ли?

— Ты подумала, о чем говоришь? Ты же даешь надежду, за которую я могу зацепиться? Это очень серьезно и затронет твою судьбу, карьеру, наконец.

— Я была бы счастлива с тобой, с мамой, сестренкой... А карьера, судьба, все это от лукавого. Тем более, что моя судьба навеки переплетена с твоей.

— Анабелла, я действительно боюсь за тебя. Трудно было всегда, трудно и сейчас. Ты подумала, чем все это обернется в будущем? Вершащие судьбы глядят на нас, о чем-то разумеют же? Я долго, бесконечное время тосковал о тебе, а ныне, когда ты рядом, растерян. Но, Бог помиловал в одном. Тебе ведома частичка истины... Анабелла, начинает моросить. Позвонила бы тете, или, может, сказала, что ты у меня.

— Ты... приглашаешь?

— Я... прошу. Только просьба. Не испугайся.

Квартира-то холостяцкая, и нет в ней женского тепла.

— Да, приглашаешь. Действительно.

— Моросит, Анабелла. А мы не взяли зонта. Пойдем под укрытие или... действительно, ко мне.

Лео первый раз прикоснулся, придержал мраморно-тёп-

лую ладонь и, встав, они пошли к остановке. Дождь постепенно усиливался, где-то на далеких окраинах города гремел гром. Ветер разгонял, устоявшийся вокруг, запах душистой сирени, умолкли певчие, и город постепенно окутался дождевым туманом.

На юго-западе города они вышли из маршрутки и направились к подъезду высотного дома. Когда вошли в двухкомнатную, аккуратно ухоженную квартиру Лео, то он попросил покамест не заглядывать в одну из комнат, пока он не расскажет ей всё подробнее.

— Оно связано с нашим прошлым, верно? — расспрашивала Анабелла, надевшая тапки, и сидевшая уже в кухне, за столом.

— Прошрое — материализованная действительность и мы никуда от него не ушли. Время все приспособило к своему пути и в линейном его движении в пространстве, мы как блестяшки бисера, то являемся по разумению, то отдаляемся за грани его воздействия.

— Имеешь ввиду мир духовный?

— Имею ввиду Божественную среду. Несчастье и счастье переплетены в нашем случае. Что есть правда для нашей ду-

ши, то абсолютно чуждо нашей телесной сущности.

— Лео, не блуждай в дебрях прошлого. Может, Всевышнему угодна теперешняя наша встреча? Может... это испытание для нашей любви? Незабвенной, вечной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.